

Владик НЕРСЕСЯНЦ

Цивилизм как концепция постсоциализма: свобода, право, собственность

Постсоциализм — уникальное время в российской и всемирной истории. Контуры нового будущего все еще в тумане. И главный вопрос — куда можно и нужно идти после социализма? — остается открытым.

Альтернативы постсоциализма. Если социализм — это историческая ошибка, то капитализм оказывается концом всемирной истории и после социализма надо возвращаться к капитализму. В общем русле именно этих представлений — осознанно или по наитию — осуществляются сегодня попытки капитализации социализма в России и в ряде других бывших социалистических стран.

Но если социализм, несмотря на все связанное с ним зло, — не историческая ошибка, тогда у него должна быть своя (иная, чем капитализм) будущность, и, следовательно, ошибкой в таком случае является вся нынешняя стратегия возврата к капитализму.

При этом ясно, что у социализма нет и не может быть такого продолжения и будущего, как коммунизм. Не потому, что социализм был ненастоящий, а потому, что коммунизм оказался иллюзией.

Я имею в виду социализм советского образца — пролетарско-коммунистический, последовательно марксистско-ленинский, единственно возможный антикапиталистический социализм. Он представляет собой полную реализацию до самого конца основной идеи коммунистически ориентированного социализма — отрицания частной собственности. Потому можно уверенно сказать: никакого другого социализма и коммунизма как такового нет и не может быть. В этом прежде всего и состоит всемирно-историческое значение опыта нашего социализма.

В отличие от него различные формы буржуазного «социализма» («шведский социализм» и т. д.) остаются в рамках капитализма, хотя и реформированного, модернизированного. Смысл такого «социализма» состоит в том, что развитой и богатый капитализм платит своеобразную дань социалистической идее путем ущемления собственников в пользу несобственников, чтобы упрочить сам строй частной собственности, не доводить дело до настоящего социализма.

Определяющее значение для общества с социалистическим прошлым и, как оказалось, без коммунистического будущего имеет преобразование социалистической собственности в собственность настоящую. Необходимость этого диктуется тем, что собственность (а это прежде всего собственность на средства производства) является не просто одной из исходных и важных форм

Нерсесянц В. С. — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра теории и истории права и государства Института государства и права РАН.

выражения прав и свобод людей, но она образует собой цивилизованную почву для свободы и права вообще. Где нет собственности, там не только нет, но и в принципе невозможны свобода, право, независимая личность и т. д.

Суть так называемой «социалистической собственности» и вместе с тем всего социализма как раз и состоит в самом радикальном и последовательном отрицании всякой собственности в подлинном, экономико-правовом смысле этого понятия и явления. Поэтому, для краткости пользуясь выражением «социалистическая собственность», следует помнить, что это — метафора, иносказание. То же самое относится к выражениям «социалистическое право», «социалистическое государство» и т. д., обозначавшим нечто прямо противоположное — отрицание права и государственности, их подмену антиправовым законодательством и партийной диктатурой.

В целом социализм как отрицание прошлого и как радикальный антикапитализм представляет собой негативную стадию в развитии мировой истории. И для его краткой характеристики очень подходят слова из предметного указателя к одному из советских уголовных кодексов: «Свобода — см. лишение свободы».

Фиктивный характер в условиях социализма носила и конструкция так называемой «государственной собственности». Это ясно уже из того, что социалистическая собственность по своей сути отвергает все определения и характеристики настоящей собственности. Надуманная конструкция «советское государство в целом — единственный собственник всего» внутренне противоречива и несостоятельна и потому, что для любых действительно экономико-правовых отношений собственности, как минимум, необходимо наличие неопределенного множества собственников — независимых субъектов права, равноправных физических и юридических лиц. Действительное допущение такого множества субъектов собственности было бы равносильно массовому признанию частной собственности, т. е. именно того, против чего прежде всего и направлены весь процесс социализации средств производства и вся система коммунистической диктатуры.

Таким образом, «государство» при социализме, где не было ни действительно-го права, ни настоящей собственности, не имело и никак не могло приобрести права на социалистическую собственность. И так называемая «ничейность» социалистической собственности как раз и означает отсутствие действительных субъектов собственности. Ведь в условиях социализма мы имеем дело не с собственностью, а с неправовым и внеэкономическим феноменом — достоянием общества, народа, «всех вместе, никого в отдельности».

В своем отношении к социалистической собственности социалистическое государство могло быть и было лишь официальным представителем, агентом общества, народа, «всех вместе». И распоряжаясь объектами этой собственности, «государство» действовало по властно-приказным правилам диктатуры, а не по всеобщим и обязательным принципам и нормам права.

В отношении этой тоталитарной конструкции социалистической собственности абсолютно все (люди и институты) находились в негативном «равенстве»: никто не имел права на частную собственность, ни у кого не было привилегии быть собственником средств производства. Все привилегии при социализме носили лишь потребительский характер и не распространялись на отношения собственности. «Уравниловка», отвергавшая принцип правового равенства, была фактически пирамидой потребительских привилегий, но обязательно в границах социалистического принципа отрицания частной собственности (т. е. отсутствия экономико-производственного неравенства).

Кризис этой переходной системы и отсутствие коммунистической перспективы как раз и породили проблему перехода к настоящей собственности, к нормальной государственности и т. д.

Но преодолеть социализм «по принципу Карфагена» невозможно. Здесь мы сталкиваемся с жестким сопротивлением идей и практики всемирно-историческо-

го размаха. Необходимо считаться с объективными реалиями и логикой исторического развития свободы и права в человеческих отношениях, с местом и смыслом социализма в этом историческом контексте движения к большей свободе, равенству и справедливости.

Итак, в результате социализма создана социалистическая собственность — уникальное явление в истории: впервые все богатство страны представлено в состоянии без собственников и находится в неправовом режиме достояния «всех вместе». Здесь — корень тоталитаризма, направленного прежде всего против каждого в отдельности. Но это негативное «равенство» вместе с тем отвергает любые привилегии в отношении собственности и обладает потенцией для утверждения позитивного равенства — равного права каждого на одинаковую для всех долю общественного достояния.

Время преобразования этого потенциала в актуальное состояние и перехода от негативного «равенства» несвободы к позитивному равенству свободы наступило. От достояния «всех вместе» необходимо перейти к собственности каждого в отдельности. Никто ведь не отказался от своего права на это достояние, от своей части социалистического наследия. Да и отказ от своих прав в данном случае был бы недействителен. Этот переход из неправового состояния в правовое может быть надлежаще и по справедливости осуществлен лишь правовым способом. И дело здесь не во внешней обязательности правового акта, а прежде всего в природе и функциях права как всеобщей и необходимой формы и равной меры свободы людей, как своеобразной математики свободы в человеческих отношениях.

Гражданская собственность и цивилизм. Если мы всерьез хотим перейти от неправового социализма к правовому строю, то всеобщий принцип правового равенства должен быть последовательно применен прежде всего в отношении социалистической собственности.

С позиций права все граждане — наследники социалистической собственности в равной мере и с равным правом. И за каждым гражданином должно быть признано право на равную для всех граждан долю во всей десоциализируемой собственности. Социалистическая собственность тем самым будет преобразована в индивидуализированную гражданскую собственность, и каждый гражданин приобретет реальное субъективное право на равный для всех минимум собственности. Помимо и сверх этого минимума каждый, разумеется, будет иметь право на любую другую собственность — без ограничительного максимума.

Новый, постсоциалистический, строй с такой гражданской (цивильной, цивилитарной) собственностью можно в отличие от капитализма и социализма назвать цивилизмом, цивилитарным строем (от латинского слова «цивис» — гражданин).

Переход от социалистической собственности к гражданской собственности, например применительно к Российской Федерации, можно выразить в следующей юридико-нормативной форме.

1. Вся бывшая социалистическая собственность в Российской Федерации бесплатно индивидуализируется в пользу всех граждан по принципу равного права каждого гражданина на гражданскую собственность — одинаковую долю от всей преобразуемой социалистической собственности.

2. В соответствии с такой десоциализацией социалистической собственности все ее объекты становятся объектами общей собственности всех граждан как равных «собственников, владельцев равных индивидуализированных долей собственности в рамках данной общей собственности.

3. Гражданская собственность у всех без исключения граждан одинакова. Арифметический размер доли каждого гражданина-сособственника в общей собственности всех граждан определяется числом граждан Российской Федерации — с учетом тенденций в динамике народонаселения и необходимости создания резервного фонда гражданской собственности. Размер гражданской собственности с учетом изменений числа граждан и других обстоятельств определяется

через каждые 5 лет. В пределах этого срока изменение в числе граждан и в составе объектов общей собственности граждан не влечет изменения самого арифметического размера гражданской собственности.

4. Юридический статус и титул каждого гражданина в качестве субъекта гражданской собственности официально удостоверяются надлежащим правовым документом о праве собственности.

5. Право на гражданскую собственность носит личный, прижизненный и неотчуждаемый характер. Ни один гражданин не может быть лишен права на гражданскую собственность. Гражданская собственность отдельных граждан не подлежит изъятию из общей собственности всех граждан. Право на гражданскую собственность не может быть полностью или частично передано другому лицу.

6. Для каждого гражданина открывается личный счет гражданской собственности, на который в централизованном порядке поступает равная для всех доля от всех доходов, получаемых от общей собственности всех граждан в результате всех форм рыночно-хозяйственного использования объектов этой собственности.

В порядке пояснений к приведенным положениям следует отметить, что в них речь идет о бесплатной индивидуализации всей социалистической собственности, т. е. всех ее форм и всей ее массы. Это, в частности, означает последовательное отрицание как претензий государства (т. е. системы государственных органов и отдельных ее звеньев) на социалистическую собственность, так и, следовательно, его права на долю в десоциализируемой собственности.

За государством признается лишь право на налоги, но не на доходы от объектов десоциализируемой собственности. Объекты (здания, техника и т. д.), необходимые для нормального функционирования государственных органов, первоначально должны быть предоставлены из фонда общей собственности граждан в бесплатное пользование, но не в собственность государства. В дальнейшем (с учетом состояния государственной казны и т. д.) возможен переход и на платный режим пользования подобными объектами. Кроме того, государство (и его органы) может, как и любое другое юридическое лицо, в условиях рыночной экономики, на общих для всех условиях арендовать, приобретать в собственность и т. д. любой объект, находящийся в товарно-денежном обороте. Полное отделение государства от бывшей социалистической собственности является необходимым условием для окончательного раскрепощения населения, для формирования свободных собственников и свободного рынка, настоящих экономических и правовых отношений, для независимого от политической власти гражданского общества и формирования на такой основе правовой государственности. Обществу с гражданской собственностью нужно и соответствующее его сути, целям и интересам государство. И не общество должно приравниваться к государству, а государство к обществу и потребностям его членов.

Юридически говоря, гражданская собственность — это идеальная доля каждого сосособственника в общей совместной собственности всех граждан. Каково действительное содержание такой идеальной доли, покажет лишь рынок — по мере вовлечения объектов этой общей собственности в товарно-денежные отношения. Фактически владелец гражданской собственности будет получать лишь соответствующую его идеальной доле часть денежных доходов от объектов общей собственности. Эти денежные поступления на специальные счета каждого можно юридически обозначить как реальную долю владельца гражданской собственности, которой он может распоряжаться по своему усмотрению. Сама же гражданская собственность как идеальная доля каждого в общей собственности по природе своей не может быть заранее и наперед (до и без рыночных процессов) конкретизирована в денежном или физическом выражении. Поэтому она не может быть изъята из общей собственности и не может быть предметом какой-либо сделки. Эта собственность носит личный, неотчуждаемый характер и принадлежит гражданину от рождения до смерти. Будущие новые граждане (из числа тех, кто родится или получит гражданство по иным основаниям), как и все прежние граждане, будут иметь одинаковое право на равную гражданскую собственность.

В концепции равной гражданской собственности речь, таким образом, идет именно о признании и закреплении права каждого на равную долю в десоциализируемой собственности, а вовсе не о вульгарном физическом делении поровну между гражданами самих объектов социалистической собственности, что, помимо всего прочего, в принципе невозможно, поскольку равенство вообще (в том числе и в отношениях собственности) возможно лишь в правовой форме.

Равное право на одинаковую гражданскую собственность впервые реально возможно лишь после социализма — в правовой форме десоциализации уже наличной социалистической собственности. Поэтому, например, взгляды Платона, Руссо и других эгалитаристов о фактически равной собственности всех выражают неразвитые представления о природе собственности, права, равенства и свободы. С этим связан и антиправовой, антилибертарный характер их утопий. К тому же фактически равная собственность для них — искомый идеал и конец развития, тогда как равное право на гражданскую собственность предполагает допущение и развитие (сверх этого минимума собственности) также и всех других видов собственности, т. е. возможность и необходимость на базе равной гражданской собственности имущественных различий.

Признание гражданской собственности открывает дорогу для любого экономически целесообразного варианта платной приватизации объектов общей собственности граждан и их вовлечения в товарно-денежные отношения. Принципиально важно, что в таких отношениях каждый гражданин будет участвовать как собственник, и его доходы (денежные поступления на его личный счет) будут напрямую зависеть от интенсивности такого товарно-денежного оборота. На этой основе естественным образом сформируется то необходимое общественное согласие на переход к рынку, которое недостижимо при нынешней приватизации, осуществляемой за счет интересов значительной части общества. Вместе с тем только признание гражданской собственности будет настоящей гарантией правомерности, стабильности и общественной защищенности также и всех остальных форм собственности.

В принципе, после признания гражданской собственности к платной приватизации могут быть допущены все объекты общей собственности граждан (включая и землю), за исключением объектов общенационального значения. При этом определенная часть некоторых из допущенных к обороту объектов (например часть земли, полезных ископаемых и т. д.) должна оставаться в общей собственности граждан, т. е. не продаваться, а, скажем, сдаваться в аренду и т. д. Иначе говоря, в общей собственности всех граждан должна находиться определенная часть наиболее ценных объектов, необходимая и достаточная для экономически эффективного и результативного функционирования исходной конструкции гражданской собственности.

Распродажа всех объектов общей собственности граждан и, следовательно, преобразование вещественного состава этой собственности в соответствующие денежные доходы граждан означали бы конец гражданской собственности. Однако не только экономически, но и социально-исторически принципиально важно сохранение на видимую перспективу неотчуждаемого права каждого на гражданскую собственность как гарантированный для всех минимум собственности.

Сверх этого минимума гражданской собственности допускаются и все другие виды собственности, так что физические и юридические лица могут в меру своих возможностей и без всякого ограничения приобрести по правилам рынка себе в собственность любой из объектов, находящихся в товарно-денежном обороте. Разумеется, в отношении такой (негражданской) собственности ее владелец будет обладать всем комплексом обычных правомочий владения, пользования и распоряжения.

Все эти виды собственности, допускаемые сверх гражданской собственности, можно было бы для простоты назвать «частной собственностью» (индивидуальной, групповой и т. д.), но в строгом социально-экономическом смысле это — не частная собственность, точно так же, как и «приватизация» после признания

гражданской собственности принципиально отличается от нынешней приватизации (т. е. создание частной собственности), которая проводится до и без признания гражданской собственности. Дело в том, что частная собственность (от античной до наиболее развитой, буржуазной) предполагает наличие несобственников. Наделение всех гражданской собственностью радикально меняет все отношения собственности и сам тип общественного строя: одно дело — антагонизм между собственниками и несобственниками, и совсем другое дело — отношения между владельцами большей и меньшей собственности в условиях неотчуждаемого права каждого на минимум собственности.

Известно, что частная собственность при всех своих недостатках сыграла существенную роль в общечеловеческом прогрессе, и до сих пор наиболее высокая степень свободы (в виде всеобщего формально-правового равенства людей, свободы личности в качестве субъекта права и владельца собственности, члена гражданского общества и правового государства) реально-исторически достигнута в условиях развитой буржуазной частной собственности. Преобразование социалистической собственности в гражданскую собственность ведет к новому строю с более развитыми (чем при капитализме) формами собственности, свободы и права.

Право на гражданскую собственность — это не просто обычное формальное право (абстрактная правоспособность) индивида иметь (или не иметь) собственность на средства производства, а уже приобретенное, наличное и неотчуждаемое субъективное право на реальную собственность. Таким образом, цивилитарное право — это новое, послебуржуазное и постсоциалистическое правообразование. Оно сохраняет принцип любого (в том числе и буржуазного) права, т. е. принцип формального равенства, и вместе с тем содержательно дополняет и обогащает его качественно новым моментом — равным правом каждого на одинаковый для всех минимум собственности. Подобно тому как гражданская собственность — это настоящая, юридически индивидуализированная собственность на средства производства, но уже не буржуазная частная собственность, так и право на гражданскую собственность — настоящее право, но уже не буржуазное право. Цвилитарное право, таким образом, по своему содержанию и уровню развитости стоит выше предшествующих типов права и, следовательно, в правовой форме воплощает большую меру свободы людей и выражает более высокую степень в историческом прогрессе свободы в человеческих отношениях.

Можно предположить, что и видимый дальнейший прогресс свободы будет осуществляться по цивилитарной модели обогащения и дополнения опорного принципа формально-правового равенства новыми неотчуждаемыми субъективными правами.

К капитализму через феодализм? Странники перехода от социализма к капитализму очень много говорят о разгосударствлении и приватизации собственности. При этом как бы само собой разумеется, будто речь идет о собственности государства и о ее разгосударствлении, а не о достоянии народа и его де-социализации.

Получается любопытная картина. С одной стороны, постсоциалистическое государство присваивает и по-настоящему превращает в свою собственность основной итог социализма — социалистическую собственность. С другой стороны, это же государство, как бы не желая иметь ничего общего с кровавым прошлым (кроме, разумеется, созданной на этой крови и ныне легко узурпируемой собственности!), не хочет знать о социализме, об общественном достоянии и пр.

Чтобы отвергнуть социализм на будущее, наши реформаторы его наличие отрицают и в прошлом. В русле такого несерьезного отношения к социализму любые реформы обречены на деформацию и неудачу. И прежде всего потому, что социалистической собственности, не отягощенной социалистическими долгами и постсоциалистическими ожиданиями вернуть их, не бывает.

Главным и определяющим фактором всего нынешнего процесса постсоциалистических преобразований является действительное огосударств-

ление социалистической собственности. В этом — суть дела, все остальное (не только в экономике, но и в политике!) — следствие. Данное обстоятельство заслуживает тем большего внимания, что оно, как ни странно, до сих пор не осознано обществом.

Именно через «разгосударствление» и приватизацию государство меняет природу социалистической собственности и впервые на самом деле — в экономико-правовом смысле — огосударствует ее. И только с помощью приватизации (и, следовательно, признания частной собственности и допущения неопределенного множества частных собственников) государство как раз создает экономико-правовые условия, необходимые для самоутверждения в качестве настоящего собственника.

По смыслу этого процесса основная масса объектов огосударственной собственности остается у государства, а какая-то часть их на тех или иных условиях переходит к некоторым членам общества (индивидам, трудовым коллективам и т. д.).

В условиях «государственной собственности» при социализме под «государством» как единым и абсолютным квазисубъектом собственности имелось в виду только советское государство в целом — без какой-либо дальнейшей конкретизации и детализации составных частей этого «государства» по вертикали и горизонтали. После распада СССР статус подобных единственных квазисубъектов приобрели бывшие союзные республики — каждая у себя.

В ситуации действительного огосударствления собственности неизбежно развернулась борьба между различными звеньями государства (по вертикали и горизонтали) за право быть субъектами создаваемой государственной собственности.

Некоторые итоги этой борьбы за государственную собственность в Российской Федерации нашли свое отражение в новой Конституции, согласно которой государственная собственность делится на федеральную государственную собственность и государственную собственность 89 субъектов Российской Федерации. Внизу этого ряда займут свое место и многочисленные субъекты муниципальной собственности — формирующиеся органы местного самоуправления, в чью собственность перейдет часть объектов государственной собственности. Хотя эти органы мыслятся как негосударственные, но по своим полномочиям и собственности они, по существу, будут низовыми государственными органами.

Причем в складывающейся вертикали субъектов государственной собственности «государство» в качестве собственника представлено исполнительной властью. Именно она наделена полномочиями управления огосударственной собственностью, т. е. функциями власти и собственника одновременно.

О смысле и качестве этого управления можно судить по известным уже плодам приватизации. Правда, обещают, что за первой ваучерной ее стадией последует вторая, денежная. Мол, девственная пора стартового равенства, увы, прошла, и дальнейшую гонку за собственностью продолжат лишь призеры первого тура. В действительности приватизация с самого начала была привилегией для небольшой части общества.

Основные результаты проводимых реформ можно свести к двум положениям. В результате десоциализации в России действительно созданы исходные начала и формы собственности, права, государственности, рынка и т. д. Плохо же то, что эти начала и формы, строго говоря, добуржуазные по природе и содержанию, по степени их социально-исторической развитости и т. д.

При оптимистической оценке идеи капитализации социализма можно сказать, что реформаторы, в общем, успешно и грамотно движутся в исторически известном направлении к капитализму: от рабства — через феодализм. В пессимистической же редакции это означает, что социализм не реформируем в капитализм, и из первого второе не получится. Все это, конечно, плохо вяжется со сверхзадачей нынешних реформаторов — осуществить переход от социализма к капитализму. Причина, по которой мы в результате проводимых реформ неизбежно оказываемся в докапиталистической (или, если хотите, нефеодальной) ситуации, кро-

ется в природе складывающихся у нас экономических отношений, в типе собственности. Эта типология predeterminedena постсоциалистическим огосударствлением собственности, т. е. созданием такой собственности, которая еще не свободна от государственной власти, и такой государственной власти, которая еще не свободна от собственности. В социально-историческом измерении подобная ситуация характерна для феодальной стадии, когда экономические и политические явления и отношения в силу их неразвитости еще не отделились друг от друга и не образовали две различные сферы относительно независимого, самостоятельного бытия. Такой симбиоз власти и собственности, политики и экономики означает, что общественно-политическое целое еще не созрело до дифференциации на частно-правовую и публично-правовую области, на гражданское общество и политическое государство.

Разумеется, в конце XX века не может быть простого повторения исторически известного классического феодализма в чистом виде и полном объеме. Своеобразие складывающейся у нас сверхновой феодальной туманности определяется уникальностью нашей государственной собственности и особенностями формируемой на этой основе системы политико-экономических отношений. Феодальная природа исходного начала «власть—собственность» по-феодалному деформирует и власть, и собственность, и отношения между ними.

Отметим лишь некоторые моменты этой общей тенденции к феодализации. Прежде всего сама формирующаяся новая российская государственность в силу огосударствления собственности оказывается — в духе феодализма — раздробленной на множество фактически достаточно независимых друг от друга государственных образований, наглядно демонстрирующих отсутствие подлинного внутреннего государственного суверенитета. Причем это не обычная децентрализация единых государственных полномочий и функций, не их частичная передача от государственного центра местам. Идет процесс формирования полицентризма, возникновения множества самостоятельных центров власти—собственности, по своей сути запрограммированных и ориентированных на утверждение (в меру возможности) своего суверенитета, на отрицание или хотя бы максимальное ограничение суверенитета объединяющего их государственного целого.

Этот процесс десоверенизации целого и суверенизации его составных частей, названный «парадом суверенитетов», усугублен и усилен в России национальным фактором. Но глубинная его причина — именно огосударствление собственности, в результате которой появилось, как минимум, 90 центров власти—собственности (федерация в целом и 89 ее субъектов), не считая прочие региональные и местные претензии на власть и собственность.

В такой ситуации объективно — независимо от субъективной воли ее участников — мера и пространство власти определяют ареал и состав ее собственности. В свою очередь, такая собственность в сложившейся обстановке — необходимое условие и материальная основа для утверждения в качестве государственной власти на определенной территории.

Отягощенность государственной власти собственностью развязывает мощную и долгосрочную центробежную тенденцию, ведущую к феодальному дроблению страны и государства. Утверждению единого государственного суверенитета в России препятствует именно государственная собственность в руках федерации в целом и ее субъектов. Государство-собственник мешает государству-власти утверждаться в качестве суверенной организации, поскольку суверенитет по своей природе — это организация власти, а не собственности.

И в этом можно увидеть своеобразную расплату за неправомерное огосударствление народного достояния. Жадность губит наше постсоциалистическое государство. Вместо того чтобы наконец-то стать общим делом народа, оно из-за деформирующей ее собственности оказывается частным делом федеральной и региональной бюрократии.

Там, где нет прочно утвердившейся единой системы суверенной государственной власти, там, по определению, не может быть реального верховенства обяза-

тельного для всех закона и вообще единой законности и общего правопорядка, единого экономического, политического и правового пространства.

Для реально складывающейся ситуации характерны такие типично феодальные явления, как девальвация роли закона, бездействие общих правовых принципов и норм, конкуренция источников права, разницей и противоречия между различными нормативными актами, раздробленность, мозаичность и хаотичность правовой регуляции, корпоративный, «сословно-цеховой» характер различных правомочий и правовых статусов. Вместо декларированных в новой Конституции всеобщих прав человека и гражданина и в противовес принципу всеобщего правового равенства в реальной жизни доминирует дух корпоративизма, действует множество нормативно установленных общефедеральными и региональными властями особых прав-привилегий, специальных правовых режимов, множество разного рода правовых исключений и льгот в пользу отдельных лиц, групп, профессий, социальных слоев, территорий и т. д.

Право как привилегия особо откровенно и результативно утвердилось в процессе приватизации и вообще в сфере собственности. Здесь каждый субъект и объект собственности, любой промысел появляется, живет и действует не по единому общему правилу, а в виде исключения из него, в каком-то казусном (т. е. определенном для данного конкретного случая) статусе и режиме.

Такая феодализация отношений собственности задана смыслом самой приватизации части объектов огосударственной собственности, в результате которой собственниками этого ограниченного круга объектов реально могут стать лишь некоторые, но никак не все желающие. Причем отбор некоторых из числа всех осуществляется не стихийно, а вполне управляемо: государство как власть и как исходный суперсобственник определяет, кому, как, сколько, для чего и на каких условиях предоставляется собственность.

Механизм приватизации и формируемой в ходе ее частной собственности допускает общее для всех право и всеобщее правовое равенство лишь в пределах фиктивного, бумажного-ваучерного равенства. Приобретение же и использование реальной собственности здесь возможны лишь в виде привилегии, так что складывающиеся в этих условиях отношения собственности представляют собой пестрый и хаотичный конгломерат особых прав-привилегий.

Рука власти настолько зримо управляет всеми этими отношениями собственности, опутанными многочисленными государственными требованиями и ограничениями, что до «невидимой руки*» свободного рынка, этой голубой мечты наших реформаторов — целая эпоха.

Право-привилегия — это зависимость от усмотрений власти и привилегия по отношению ко всем остальным. Сверхмонопольная государственная собственность по своему образу и подобию создает в условиях дефицита собственности монопольно привилегированных собственников помельче, которые бессильны перед государством, но всемогущи по отношению к несобственникам.

Постсоциалистическое общество оказывается расколотым на меньшинство собственников и большинство несобственников в духе именно таких прав-привилегий в сфере собственности и иных отношений. Отсюда далеко до буржуазного гражданского общества, где давно уже утвердившееся всеобщее формально-правовое равенство существенно дополняется развитой системой социальной политики за счет собственников и верхов общества в пользу несобственников и низов общества. Разница — большая, можно сказать, формационная: там привилегии на стороне несобственников, у нас — собственников.

Именно на несобственников в нашей ситуации падает вся тяжкая цена преобразований, в результате которых в большом выигрыше оказываются весьма узкий слой собственников и новая номенклатура, осуществляющая дележ огосударственной собственности.

Вместе с «новыми русскими» возникает и новый русский вопрос: удержат ли «меньшевики» собственность?

Дело, разумеется, не в зависти бедных к новым богатым, а в откровенной неправомерности и несправедливости от начала до конца всего этого процесса фабрикации собственности одних за счет и в ущерб всем остальным. На такой основе реальное общественное согласие просто невозможно.

От резкого сдвига влево или вправо основную массу населения пока удерживает надежда на получение своей доли от социалистического наследия. Без удовлетворения в той или иной форме этих правомерных притязаний «война всех против всех» за собственность и власть надолго прервут реформистский путь преобразований.

Между тем очевидно, что новый тоталитаризм (левый или правый) лишь радикально ухудшит ситуацию и отодвинет решение исторически назревших проблем утверждения в стране всеобщих основ свободы, права, собственности и государственности. Повивальной бабкой искомого нового состояния общества здесь могут быть лишь мирные реформы конституционно оформленных властей, а не революционно-насильственные мероприятия.

С этих позиций ясно также, что в обозримой перспективе в России качественно более совершенной Конституции и конструкции власти не будет, да и не может быть. Поэтому необходимо сохранить антитоталитарные достижения, приостановить сползание к гражданской войне и удержать ситуацию в мирном режиме, выиграть время для осмысления, подготовки и осуществления качественно новых (цивилитарно ориентированных) общественных и государственных преобразований. Политика — это и есть борьба различных сил за свое время. Будет время для реформ — будут и правильные реформы.

Новые ориентиры русской идеи. Наличие объективно-исторической возможности прогрессивного развития от социализма к цивилизму означает вместе с тем, что все остальные варианты преобразования реально сложившегося социализма являются неизбежно регрессивными и в конечном счете несостоятельными.

Концепция цивилизма показывает, что социализм — не историческая ошибка и не впустую затраченное время, что беспрецедентные жертвы нескольких предшествующих поколений не пропали даром, что при социализме, этом наиболее радикальном кровавом и напряженном участке российской и вместе с тем всемирной истории, впервые созданы реальные предпосылки (в виде социалистической собственности) для перехода к более высокой, более справедливой, более гуманной ступени развития общечеловеческой цивилизации. В этом всемирно-историческом смысле социализм — тяжелая и бескорыстная работа на будущее.

Идея гражданской собственности — главный вывод из всего предшествующего социализма. И состоит он прежде всего в том, что искомое на протяжении тысячелетий мистическое «фактическое равенство» как нечто большее, чем формально-правовое равенство, на самом деле в своем рационализированном значении в принципе реализуемо не непосредственно путем коммунистического отрицания собственности, а лишь в более развитой экономико-правовой форме — в виде реального права каждого на равную долю десоциализируемой собственности.

До и без реального социализма (и его финального кризиса) априорно и умозрачительно концепцию гражданской собственности и цивилизма как направления продолжения истории невозможно было бы и вообразить.

Коммунистическое требование «фактического равенства» отвергает ценности и достижения общечивилизационного процесса — собственность, право, государство, свободную личность и т. д. Гражданская собственность — это наконец-то исторически найденная форма удовлетворения и вместе с тем одновременно преодоления этого разрушительного требования в категориях самой цивилизации, т. е. в форме права собственности. Цивилизация при этом продолжается благодаря тому, что она обогащается новым формообразованием свободы — неотчуждаемым правом каждого на гражданскую собственность. Средствами до-

социалистической цивилизации это всемирно-историческое требование большего равенства, чем формально-правовое равенство, не разрешимо.

Концепция цивилизма обладает регулятивным потенциалом и для капитализма. Это регулятивно-ориентирующее значение идеи цивилизма (в качестве нового категорического императива) можно в общем виде сформулировать так: от капитализма к цивилизму, минуя социализм. Более конкретно это означает: каждому — неотчуждаемое право на гражданскую собственность.

Социализм уже подготовил правовой ответ коммунистическим требованиям масс. Этим может (и объективно будет вынуждено) воспользоваться, и капиталистическое общество, чтобы избежать мук реального социализма. Но для этого сложившихся социальных услуг бедным и так называемого «шведского социализма» в пользу несобственников окажется мало: необходимо будет каждого наделить неотчуждаемым правом на достаточный минимум собственности на средства производства, т. е. на персонально определенную равную долю в рамках специально создаваемого фонда общей собственности всех. Понятно, что размер этого минимума и самой общей собственности всех граждан будет зависеть от соотношения сил, претензий и интересов в соответствующем обществе, степени его богатства, уровня жизни населения и целого ряда иных факторов, которые в совокупности определяют конкретное содержание соответствующего «общественного договора» о гражданской собственности. Но это уже проблемы для самого капитализма: найти свой путь к посткапиталистическому цивилизму, оставить тем самым социализм позади себя, избавиться от порождающих и сопровождающих его проблем и т. д.

При всех различиях между ними постсоциалистический цивилизм и посткапиталистический цивилизм обладают принципиальным единством и типологической общностью благодаря их единой основе — неотчуждаемому праву каждого на гражданскую собственность. Антагонизм между социализмом и капитализмом может быть, таким образом, преодолен и снят лишь на общей основе цивилизма, т. е. на почве и в условиях будущего принципиально нового («третьего») строя. Концепция цивилизма тем самым демонстрирует ошибочность и иллюзорность представлений о конвергенции между капитализмом и социализмом. Речь на самом деле должна идти не о конвергенции капитализма и социализма, а о преодолении и социализма, и капитализма, о переходе и от социализма, и от капитализма к цивилизму.

Не вдаваясь здесь в детали, можно в целом уверенно сказать, что порожденный и подкрепленный реальной историей социализма категорический императив о неотчуждаемом праве каждого на общеобязательный минимум гражданской собственности преодолеет сопротивление сложившихся отношений в сфере собственности и подчинит их своему регулятивному воздействию. В исторических масштабах вектор развития общественной практики совпадает с направлением и ориентирами прогресса идей.

Если даже реальный социализм XX века упустит нынешнюю объективную возможность для перехода к цивилизму, то это вовсе не будет означать потери самой идеи цивилизма и уже навсегда открывшегося пути к нему. Без перехода к цивилизму ни коммунистическую идеологию, ни новые попытки ее реализации преодолеть невозможно. *До* и *без* утверждения гражданской собственности любая другая собственность на средства производства по своей природе является частной собственностью со всеми присущими ей антагонизмами, а там, где есть частная собственность, там неизбежна и борьба против нее, там естественно возникает и коммунистическая идея — бессмертная идеология несобственников. Кровавый путь от капитализма к социализму был проделан при попутном ветре истории, усиленном порывом к окончательной справедливости и чарами мифа о всеобщем земном рае. Проект возвращения от социализма к капитализму лишен не только подобных сверхмотиваций, абсолютно необходимых для любого большого исторического дела, но и достаточной массовой поддержки, нужной для достижения социального согласия в обществе с социалистическим прошлым. Сде-

лать бывшее небывшим не могли даже олимпийские боги. Тем более что это «бывшее» (в нашем случае социализм), как показывает концепция, имеет всемирно-историческое продолжение.

В концепции постсоциалистического цивилизма прошлое и будущее России приобретают взаимосвязанный и осмысленный характер как ступени единого, прогрессивно развивающегося исторического процесса. Только благодаря этому можно концептуально, а не голословно утверждать, что у России есть не только прошлое, но и будущее, что у нее есть своя история, которая имеет собственное продолжение.

Когда же из прошлого России по тем или иным соображениям вычеркивают социализм, а постсоциалистическую Россию как «блудного сына» зовут вернуться к дореволюционным порядкам или к капитализму, то это ведь, откровенно говоря, означает историческую дисквалификацию России — и на прошлое, и на все оставшееся будущее. Если, как полагают идеологи возврата назад, Россия почти весь XX век, т. е. в эпоху ее максимальной всемирно-исторической активности и значимости, по ошибке или по иному ущербному основанию вела себя и других в тупик, то на какую викторию после такой конфузии вообще можно рассчитывать.

Идеология ошибочности и тупиковости российской истории XX века, будучи по сути своей антиисторичной, навязывает России и ее народам стойкий комплекс исторической неполноценности и отбрасывает страну на периферию социально-исторического развития. Между тем ясно, что социализм XX века — это именно русская история. Более того, это (по критериям всемирной истории) самое существенное во всей истории России. Тот звездный случай, когда национальная история напрямую делает дело всемирной истории и видит в этом свою всемирно-историческую миссию. И именно в России проделана вся черновая работа, связанная с реализацией и практической проверкой общечеловеческой коммунистической идеи. Ответ найден — гражданская собственность и цивилизм. Это и есть русская идея сегодня и на будущее, российский вклад во всемирно-исторический прогресс свободы и равенства людей.

Дело, как говорится, за малым — в самой России воспользоваться русской идеей.

В. Нерсисянц, 1995